

УДК 101.1.316

ДУАЛЬНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУПИК И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В ЭПОХУ БИФУРКАЦИИ

П. А. ВОДОПЬЯНОВ¹⁾, И. Н. СИДОРЕНКО²⁾

¹⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследована взаимосвязь двух ключевых кризисов современности: экологического и антропологического, раскрываемая через синтез концепции глобального эволюционизма и философской критики. Доказано, что эти кризисы не являются автономными, а представляют собой две стороны одного цивилизационного разлома, раскрывающегося в доминировании инструментальной рациональности и антропоцентрической модели господства. Экологический кризис интерпретирован как внешнее проявление утраты бытийных основ мира, антропологический – как внутреннее следствие этой утраты, выражающееся в экзистенциальной бездомности и онтологическом нигилизме. В качестве философского ответа обоснована эволюционно-гуманистическая стратегия, предлагающая путь одновременного преодоления двух кризисов через принятие биосферного императива и экзистенциальное обретение «укорененной» ответственности.

Ключевые слова: экологический кризис; антропологический кризис; глобальный эволюционизм; инструментальная рациональность; онтологический нигилизм; эволюционно-гуманистическая стратегия; биосферный императив; экзистенциальная бездомность.

THE DUALITY OF CIVILISATIONAL RIFT: ECOLOGICAL IMPASSE AND ANTHROPOLOGICAL ALIENATION IN THE AGE OF BIFURCATION

P. A. VODOPIANOV^a, I. N. SIDORENKO^b

^aBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. N. Sidorenko (iri_na2000@rambler.ru)

Abstract. The article explores the profound interconnection between two key crises of our time: the ecological crisis and the anthropological crisis (the crisis of the human condition). This interconnection is revealed through a synthesis of the concept of global evolution and philosophical critique. It is argued that these crises are not autonomous but represent

Образец цитирования:

Водопьянов ПА, Сидоренко ИН. Дуальность цивилизационного разлома: экологический тупик и антропологическое отчуждение в эпоху бифуркации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:14–18.
EDN: TICFGQ

For citation:

Vodopianov PA, Sidorenko IN. The duality of civilisational rift: ecological impasse and anthropological alienation in the age of bifurcation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:14–18. Russian.
EDN: TICFGQ

Авторы:

Павел Александрович Водопьянов – доктор философских наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; профессор кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Ирина Николаевна Сидоренко – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Pavel A. Vodopianov, doctor of science (philosophy), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology. pva1940@bk.ru

Irina N. Sidorenko, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

two sides of a single civilisational rift rooted in the dominance of instrumental rationality and an anthropocentric model of domination. The ecological crisis is interpreted as an external manifestation of the forgetfulness of the ontological foundations of the world, while the anthropological crisis is viewed as its internal consequence, expressed in a state of existential homelessness and ontological nihilism. As a philosophical response, the authors substantiate an evolutionary-humanistic strategy that proposes a path toward the simultaneous overcoming of two crises through the adoption of a biospheric imperative and the formation of existentially grounded responsibility.

Keywords: ecological crisis; anthropological crisis; global evolution; instrumental rationality; ontological nihilism; evolutionary-humanistic strategy; biospheric imperative; existential homelessness.

Введение

Современная техногенная цивилизация переживает эпоху исторической бифуркации, характер которой определяется не столько наложением множества кризисов, сколько их фундаментальной спаянностью. В центре представленного анализа – два кризиса, образующие структурное ядро цивилизационного разлома: 1) кризис отношений между человечеством и биосферой; 2) кризис внутреннего мира самого человека. Традиционно они рассматриваются как отдельные сферы (внешняя – экология и внутренняя – антропология), в действительности же представляют собой два проявления одного и того же мировоззренческого тупика.

Данный тупик обусловлен исчерпанностью проекта, основанного на инструментальной рациональности, которая, по словам выдающегося белорусского философа В. С. Стёпина, привела к исчерпанности базовых ценностных и мировоззренческих оснований техногенной культуры. «Техногенная цивилизация подошла к рубежу, за которым прежние ценностные ориентиры утрачивают регулятивную функцию и перестают обеспечивать выживание человечества» [1, с. 231]. Инструментальный разум, редуцированный до функций расчета, контроля и оптимизации, не только преобразовал планету в объект безграничной эксплуатации, но и, обратив эту логику внутрь, произвел глубоко отчужденного, «бездомного» субъекта. Таким образом, экологическая деструкция и антропологическое опустошение – симптомы одной болезни, а именно утраты бытия в его целостности и самоценности.

Актуальность представленного исследования обусловлена острой необходимостью философски осмыслить системный кризис современной цивилизации, который выходит за рамки узкоспециальных, политических или экономических трактовок. В условиях нарастающих климатических аномалий, шестого массового вымирания видов и повсеместного ощущения экзистенциального вакуума и бездомности в гипертехнологизированном обществе предлагаемый анализ дуальной природы кризиса (экологического и антропологического) как двух сторон одной мировоззренческой катастрофы приобретает критическую важность. Считаем, что данная статья отвечает на запрос времени, который заключается

в необходимости создания синтетической теории, способной связать внешние планетарные границы с внутренним кризисом смысла, и предлагает не просто критику, а конструктивную эволюционно-гуманистическую стратегию как каркас для будущего. Исследование особенно значимо в контексте поиска новых ценностных и когнитивных оснований для образования, политики и культуры, без которых любые технологические или институциональные решения остаются поверхностными и неэффективными.

Цель настоящей работы заключается в раскрытии диалектической взаимосвязи экологического и антропологического кризисов, демонстрации того, что преодолеть их можно только синхронно, через формирование новой парадигмы мышления и бытия.

Методологическая основа представленного исследования имеет междисциплинарный и синтетический характер, сочетает в себе философскую онтологию, социальную философию и концепции глобального эволюционизма. В качестве базового принципа авторы используют диалектический подход, позволяющий рассматривать экологический и антропологический кризисы не как изолированные феномены, а как взаимно обусловленные моменты одного цивилизационного процесса. Для анализа причин и сущности двух кризисов используется инструментарий феноменологической и экзистенциальной традиций, ориентированный на выявление структур человеческого бытия-в-мире и механизмов отчуждения субъективности. Одновременно авторы применяют системно-эволюционный подход, характерный для идей глобального эволюционизма (В. С. Стёпин, Н. Н. Моисеев), который позволяет интерпретировать человеческую деятельность в контексте биосферных и ноосферных ограничений. Дополнительную аналитическую функцию выполняет критическая теория общества, раскрывающая роль инструментальной рациональности и механизмов технократического господства. Такое методологическое соединение обеспечивает возможность одновременно анализировать внешние (экологические) и внутренние (антропологические) измерения кризиса и служит основанием для выработки интегративной эволюционно-гуманистической стратегии.

Основная часть

Экологический кризис как утрата бытия природы. Современный экологический кризис – это не просто совокупность технологических и управленческих провалов. В философском измерении он есть прямое следствие метафизической установки, сформировавшейся в рамках новоевропейской науки и философии [2, с. 49–54]. Речь идет о редукции природы до статуса *res extensa*, протяженной и лишенной внутренней цели субстанции, которая существует лишь для того, чтобы быть покоренной, измеренной и использованной. Данный подход, очень эффективный в плане покорения стихий, привел к системному разрыву между ускоренной социокультурной эволюцией и медленными циклами биосферы.

С нашей точки зрения, концепция глобального эволюционизма позволяет осмыслить масштаб данной катастрофы, поскольку она интерпретирует человеческую историю не как автономный процесс, а как специфическое продолжение биологической эволюции. Ускорение, вызванное техногенным прогрессом, привело к опасной диспропорции. Как предупреждал Н. Н. Моисеев, «человечество впервые оказалось в ситуации, когда его дальнейшее существование зависит не от силы разума как таковой, а от способности разума к самоограничению» [3, с. 23]. Нарушение биосферных лимитов – это не ошибка прогресса, а закономерный итог мировоззрения, поставившего человека вне и над эволюционным целым.

Инструментальная рациональность, достигшая своего апогея в XX в., окончательно исключила вопросы о цели, смысле и допустимых пределах деятельности [2, с. 49–54]. Природа в такой логике предстает как «постав» (*bestand*), по выражению М. Хайдеггера [3], т. е. наличный резерв, ожидающий извлечения. В сложившейся ситуации мир утрачивает свое бытийное достоинство, становясь безразличным складом ресурсов. Критическая мысль представителей Франкфуртской школы, в частности Т. Адорно и М. Хоркхаймера, показала, как логика господства над природой неизбежно оборачивается логикой господства человека над человеком и в конечном счете самоотчуждением [4]. Таким образом, экологический кризис правомерно определить как кризис типа разума, утратившего способность к ценностно-смысловой рефлексии и не знающего иных критериев, кроме эффективности и сиюминутной выгоды.

В представленном ракурсе исследования под антропологическим кризисом понимаем внутреннее измерение внешней катастрофы. Если экологический кризис есть результат экспансии инструментального разума вовне, то антропологический кризис является следствием его экспансии внутрь человеческой сущности. Мир, превращенный в «постав», не может не породить и соответствующего субъекта – отчужденного, лишённого подлинной

историчности и переживающего состояние экзистенциальной бездомности.

Указанное состояние находит свою точную философскую дешифровку в понятии «онтологический нигилизм». Согласно М. Хайдеггеру нигилизм понимается здесь не как идеология отрицания ценностей, а как фундаментальное событие утраты (забвения) бытия. «Нигилизм есть не отрицание сущего, а забвение бытия» [5, с. 68]. В мире, где все сущее стало объектом расчета и оптимизации, исчезает само пространство для подлинного человеческого бытия-в-мире. Труд утрачивает связь с творческим созиданием, время дробится на дедлайны, а пространство жизни превращается во взаимозависимые модули. По меткому выражению российского философа грузинского происхождения М. К. Мамардашвили, человек становится «полым» существом, неспособным «взвалить на свои плечи существование чего-то в мире» [6, с. 121].

Технократическая система, доводящая принцип рациональности до абсурда, порождает феномен банальности, суть которого заключается в растворении ответственности в анонимных процедурах, вследствие чего зло становится рутинной административной функцией. Как справедливо отметила Х. Арендт, «самое страшное зло совершается не из демонических побуждений, а из неспособности мыслить» [7, с. 124]. Индивид, даже рационально осознавая абсурдность происходящего, продолжает в нем участвовать, укрываясь в приватном комфорте или циническом согласии. Этот цинический разум, описанный П. Слотердайком, есть высшая форма нигилизма: просвещенное сознание, которое видит ложь, но действует в соответствии с ней, считая сопротивление бессмысленным [8, с. 792].

Апогеем утилитарной логики, продуцируемой сверхрациональностью, стандартизованностью мышления, становятся проекты радикального трансгуманизма, предлагающие преодолеть человеческую уязвимость и конечность через ее полную инструментализацию. Вместе с тем, пытаясь технически решить экзистенциальные вопросы (смерть, хрупкость жизни, смысл существования), трансгуманизм лишь завершает процесс дегуманизации, окончательно превращая человека в проект его собственного инженерного усовершенствования. Более того, как справедливо отметил Ю. Хабермас, «попытка технически усовершенствовать человека таит в себе риск утраты самого понимания человеческого достоинства» [9, с. 16]. Таким образом, антропологический кризис – это кризис нигилистического отрицания времени, ответственности и самой основы человеческого способа быть в мире.

Диалектика кризисов и контуры эволюционно-гуманистического ответа. Проведенный анализ показывает, что экологический и антропологический кризисы не просто сопутствуют друг другу, а находятся в отношениях взаимного порождения

и усиления. Инструментальный разум, разрушающий внешнюю природу, не может не разрушить природу внутреннюю. Так, «бездомный» человек, утративший связь с собственным бытийным основанием, не способен увидеть в природе ничего, кроме ресурса для сиюминутного потребления. В итоге образуется порочный круг: экологическое отчуждение углубляет антропологическое, а антропологическое отчуждение как раскол человеческого бытия, деградация его природы и дегуманизация делает невозможным преодоление экологического тупика.

Авторы убеждены, что преодолеть данную проблему можно только путем радикальной мировоззренческой трансформации, которая должна быть одновременно и внешней, и внутренней. Эволюционно-гуманистическая стратегия предлагает такую двунаправленную трансформацию, синтезируя императив эволюции с экзистенциальным призывом к ответственности.

На внешней – экологической – оси эволюционно-гуманистическая стратегия требует перехода от парадигмы господства к парадигме коэволюции, что означает безусловное принятие биосферного императива как высшего закона человеческой деятельности. В практическом плане это предполагает переход к экономике разумной достаточности, отказ от догмы бесконечного роста, развитие природоподобных технологий и законодательное закрепление экологических лимитов. Однако, и это намного важнее, мировоззренческий поворот от антропоцентризма к био(антропо)центризму невозможен без признания внутренней ценности всего живого и понимания человека не как хозяина, а как ответственного «пастыря бытия» и части целого.

На внутренней – антропологической – оси эволюционно-гуманистическая стратегия нацелена на преодоление «бездомности» через возвращение человеку его историчности и конечности [10]. Путь заключается не в бегстве от негативности (страха, от-

ветственности, осознания смерти), а в мужественной встрече с ней. Экзистенциальная философия, начиная с работ С. Кьеркегора и заканчивая работами М. Хайдеггера, указывает на это: именно осознание собственной уникальной смертности (бытие-к-смерти) вырывает человека из анонимного существования и делает его ответственным автором своей жизни. Обозначенное является основой для обретения непрекладаваемой ответственности не только за свою судьбу, но и за мир в целом. В связи с этим культура и образование должны быть переориентированы на воспитание не узкопрофильного специалиста, а целостной личности, обладающей экологическим сознанием и биосферным мышлением, видящей взаимосвязь всех процессов, понимающей их суть и прогнозирующей последствия своих действий.

Соответственно, суть эволюционно-гуманистической стратегии заключается в том, что указанные два поворота, две оси нерасторжимы. Главным принципом этой стратегии как в мировоззренческом, так и в праксиологическом контексте является биосферный императив: «Поступай так, чтобы максима твоих действий и поступков согласовывалась с законами эволюции биосферы, так, чтобы выжить в условиях экстремальной экологической ситуации» [11, с. 463]. Биосферный императив не будет принят обществом «бездомных» циников, видящих в природе лишь фон для своих симулякров. И наоборот, экзистенциальное прозрение отдельного человека останется маргинальным жестом, если не будет поддержано новой цивилизационной моделью, создающей материальные и социальные условия для жизни в согласии с природой. Подлинное преображение начнется тогда, когда забота как фундаментальная структура человеческого бытия распространится и на окружающий мир, а экологический императив будет переживаться не как внешнее принуждение, а как внутренняя необходимость ответственного существа.

Заключение

Исследование дуального кризиса современности – экологического и антропологического – позволяет сделать несколько фундаментальных выводов, которые не только определяют суть проблемы, но и представляют способы ее решения.

1. Единство причин и нераздельность решений. Анализ подтвердил, что экологическая катастрофа и антропологическое опустошение не являются параллельными или случайно совпавшими процессами, они есть два проявления одного системного сбоя, другими словами, проявления кризиса меры. Инструментальный разум, утративший способность задаваться вопросами о должных границах и конечных целях, породил мир без качественных ориентиров. В таком мире количественная экспансия становится единственным законом, одинаково действующим

как в случае покорения природы, так и в случае конструирования человеческой субъективности. В связи с этим любые попытки исправить последствия одной из сторон кризиса (будь то зеленые технологии без изменения потребительской этики или психотерапевтические практики в обществе, продолжающем жить в логике бесконечного роста) обречены на неудачу, так как они лишь перераспределяют наше внимание и силы, но не решают проблему.

2. Эволюционно-гуманистическая стратегия как философия предела. Предложенный нами синтетический подход представляет принципиально иную логику: не безграничной экспансии, а осмысленного самоограничения. Однако это ограничение понимается не как вынужденный отказ или регресс, а как акт высшей свободы и зрелости человека и общества.

Философским основанием такой новой социальной практики выступает двойное признание: объективного предела, данного законами биосферы и эволюции (что отражено в биосферном императиве), и экзистенциального предела, заложенного в конечности и историчности самого человеческого бытия. Именно в точке встречи с этим двойным пределом рождается подлинная ответственность: не как внешнее предписание, а как внутреннее императивное условие возможности будущего.

3. От управления к со-бытию: смена парадигмы отношения. Выход из кризиса лежит не через усовершенствование инструментов управления (природой, обществом, человеком), а через радикальную смену модуса отношения. Следовательно, нужен переход от господства над природой к сопричастности и коэволюционному партнерству, от конструирования идентичности через потребление к обретению самости через ответственный поступок и «укорененность» в историческом времени (т. е. необходимость думать не только о себе, но и о потомках), от технократического администрирования к восстановлению политического порядка как пространства диалога о целях и пределах, где обсуждается не как достичь большего, а зачем и в какой мере это необходимо.

В обозначенном контексте биосферное мышление становится не просто набором экологических знаний – новой целостной формой сознания, интегрирующей научное понимание взаимосвязей, этику ответственности перед Другим (включая будущие поколения и нечеловеческие формы жизни) и экзистенциальное переживание сопричастности к единому мирозданию.

4. Практический горизонт: образование как катализатор метаморфозы. Ключевой практической

ареной для реализации этой стратегии становится сфера образования и культуры. Речь должна идти не о добавлении экологического модуля в учебные планы, а о фундаментальной переориентации педагогических целей. Главной задачей образования будущего должно стать формирование человека меры, т. е. личности, способной к критическим размышлениям над ценностями техногенной цивилизации, наделенной экологическим воображением, эмоциональной чуткостью к живому и мужеством принимать на себя бремя свободного и ответственного выбора в условиях неопределенности.

Таким образом, осмысление дуального кризиса приводит нас к пониманию того, что современная точка бифуркации, в которой сейчас находится человечество, является не просто угрозой, а беспрецедентным шансом: шансом человечества перейти от незрелого состояния, одержимого могуществом и ростом без цели, к зрелости, основанной на мудрости самоограничения и глубине ответственных связей. Эволюционно-гуманистическая стратегия намечает контуры данного перехода, указывая на то, что путь к устойчивому будущему заключается не в отказе от человеческого, а в его радикальном переосмыслении: в обретении новой, экзистенциально-экологической меры нашего присутствия в мире. Успех указанного пути будет зависеть от нашей коллективной способности сделать выбор в пользу не сиюминутной эффективности, а долгосрочной осмысленности, не господства, а заботы, не безграничного Я, а ответственного Мы в границах общего, планетарного дома. В эпоху бифуркации это является единственным путем, который от разлома и кризиса приведет к целостности и стабильности.

Библиографические ссылки

1. Стёпин ВС. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция*. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 744 с.
2. Водопьянов ПА, Сидоренко ИН. Рациональные идеи проекта нового Просвещения и контуры достижения безопасного будущего. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:49–54. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-49-54.
3. Моисеев НН. *Человек и ноосфера*. Москва: Молодая гвардия; 1990. 352 с.
4. Хоркхаймер М, Адорно ТВ. *Диалектика Просвещения: философские фрагменты*. Кузнецов М, переводчик. Москва: Медиум; 1997. 311 с. Совместно с издательством «Ювента».
5. Хайдеггер М. *Время и бытие*. Библихин ВВ, составитель и переводчик. Москва: Республика; 1993. 447 с. (Мыслители XX века).
6. Мамардашвили МК. *Как я понимаю философию*. 2-е издание. Сенокосов ЮП, составитель и редактор. Москва: Прогресс; 1992. 415 с.
7. Арндт Х. *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. Кастальский С, Рудницкая Н, переводчики. Москва: Европа; 2008. 424 с. (Холокост).
8. Слотердайт П. *Критика цинического разума*. Перцев АВ, переводчик. Екатеринбург: У-Фактория; 2009. 800 с. (Philosophy). Совместно с издательством «АСТ».
9. Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы*. Хорьков МЛ, переводчик; Петренко ЕЛ, редактор. Москва: Весь мир; 2002. 144 с.
10. Сидоренко ИН. *Идея историчности в философии немецкого экзистенциализма*. Минск: РИВШ; 2007. 122 с.
11. Водопьянов ПА. *На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего*. Минск: Беларуская навука; 2023. 469 с.